Многоуважаемому А. М. Пешковскому
на память от автора. 24/III 1927.

Проф. В. БОГОРОДИЦКИЙ

ЗАКОНЫ СИНГАРМОНИЗМА
в тюркских языках

Отдельный оттиск из „Вестника Научного Общества Татароведения“ № 6.
КАЗАНЬ
1927

ПРОВ. 1953
1903 49

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
893
57

Главлит ТССР № 1.441. Казань, 1927 г. Тираж 100 экз.
1-я гостип. «Красный Печатник», Казанская, 9.

Законы сингармонизма в тюркских языках.

Гармония гласных или *сингармонизм* является одною из наиболее характерных особенностей тюркских языков и состоит в том, что гласные корня видоизменяют определенным образом вид вокализма суффиксов и флексийных окончаний. Эта особенность связана с другою особенностью тех же языков, состоящею в том, что в этих языках, в отличие от языков арио-европейских, не существует категории предлогов и префиксов, но все придаточные морфологические элементы присоединяются в определенной последовательности позади корня, так что корень в тюркских языках всегда возглавляет слово. При этом *вокализм корня* представляет одну существенную особенность сравнительно с вокализмом *придаточных морфем*: в нем гласные выступают каждый в своей индивидуальности без чередования с другими гласными, тогда как в придаточных морфемах гласные ограничены двумя основными типами—либо гласный широкий, либо узкий, видоизменяющиеся сообразно с вокализмом корневым в отношении палятальности или непалятальности, а также губности или ее отсутствия. Так, мы нередко встречаем в тюркских языках *корни* с совершенно разным значением, содержащие при одних и тех же согласных разные гласные и не стоящие в родстве между собою, вследствие чего они и не могут находиться в каком-либо грамматическом чередовании друг с другом, напр. в казан.-татар. *ат* „лошадь“, *ит* „мясо“, *ит* „собака“, *ут* „огонь“, *ӱт-* „протекать“ (о времени), *өт-* „выиграть“, *ёт-* „ожечь“; [1]) с другой стороны вокализм *суффиксов* крайне ограничен, сводясь в независимом положении, именно—при отсутствии в корне губных гласных—к двум основным типам: широкому *а/ӓ* и узкому *ы/и* соответственно непалятальной и палятальной разновидности, [2]) из ко-

[1]) Для контраста срв. многочисленные чередования „корневых“ гласных напр. в русском языке: несу ‖ носить ‖ нашивать; липнуть ‖ лепить; беру ‖ брать и т. п., или в немецком: nehmen ‖ nahm ‖ genommen и т. д.

[2]) Из них в качестве основной условно будем считать разновидность непалятальную как более близкую к индифферентному укладу, тем более, что это стоит в согласии с тем обстоятельством, что присутствие перед суффиксами долгого ī, названного академиком *Радловым* „палятально-индифферентным“ (Phonetik § 41), сосуществует с присутствием в последующем суффиксальном слоге глас-

торых непалятальная разновидность предполагает наличность в корне непалятального гласного, а разновидность палятальная применяется при корневых палятальных гласных, при чем известные корневые гласные лябиализованные вызывают лябиалиазацию и суффиксальных гласных, вследствие которой напр. в казан.-татарском в суффиксах с широким гласным являются лябиальные вариации а̥/ӓ̥, а в суффиксах с узким гласным—вариации ө/ӧ; напр. суффикс множ. числа—*-лар* (с широким гласным) является в казанско-татарском в следующих разновидностях: -лар ‖ -läр ‖ -ла̥р ‖ -lӓ̥р (срв. атлар „лошади", і̥тläр „собаки", ҷөртла̥р „жилища", ҷӧзlӓ̥р „лица"), а окончание Родит. падежа *-ныӊ* дает вариации -ныӊ ‖ -нi̥ӊ ‖ -нөӊ ‖ -нӧӊ (срв. от тех же слов формы Родит. ед.: атныӊ, і̥тнi̥ӊ, ҷөртнөӊ. ҷӧзнӧӊ). Таким образом суффиксы и окончания в тюркских языках образуют, в отличие от корней, *„чередования"* по гласному, звенья которых получают применение в соответствии с типом корневого гласного, что̀ и составляет сущность тюркского сингармонизма или гармонии гласных.

В разных тюркских диалектах на ряду с некоторым определенным постоянством в области сингармонизма оказывается и значительное разнообразие: постоянство касается палятальности, а разнообразие губности. Так как гармония по *палятальности* и *непалятальности* проходит по всем тюркским языкам (о некоторых особенностях скажем впоследствии), то мы сделаем предметом своего рассмотрения лишь то разнообразие сингармонизма, какое представляют разные тюркские языки в отношении *губного сингармонизма*; этим путем надеюсь достигнуть большей отчетливости в представлении диалектических градаций. Для понимания этих последних необходимо иметь в виду одновременно тип *вокализма* как *корневого или обусловливающего*, так и *суффиксального или обусловливаемого;* для суффиксального вокализма существенную роль играет отмеченное выше различие суффиксов с широким и узким гласным, для корневого же или влияющего вокализма имеет значение большее количество моментов: кроме различия между широкими и узкими гласными необходимо принимать во внимание и прочие моменты—губность или же ее отсутствие, палятальность и непаля-

---

ных непалятальных; однако в глагольных окончаниях наст. вр. 1-го и 2-го лица обоих чисел мы принимаем в качестве основной разновидность палятальную, исходя из соображений этимологических, так как эти окончания возникли из соответствующих личных местоимений, содержащих палятальный гласный. Проф. J. Deny для турецкого языка, условно и для краткости, в суффиксальных элементах в основу кладет палятальные разновидности гласных, т. е. *e* как широкий гласный и *i* как узкий гласный (см. его Grammaire de la langue turque, Paris 1920, § 155, стр. 116).

тальность, причем особо выступает случай, когда губность и палятальность соединены вместе. [1])

При фонетическом анализе материала мы должны, по примеру арио-европейского языкознания, обращать внимание на *морфологические категории,* в которых наблюдается явление; важность такого способа изучения основывается на том, что отклонения от закона, вызываемые действием аналогии, определяются особенностями данной морфологической категории, и разные морфологические категории могут представлять неодинаковые условия для действия аналогии. Так, напр., в *турин.* говоре в именной форме Loc. sg. при широком палятальном гласном в окончании лябиализация проявляется в таких случаях, как ӱйдӧ „в доме“, сӱттӧ „в молоке“, тогда как в основообразовательном глагольном суффиксе тоже с широким палятальным гласным губного сингармонизма не оказывается, напр. jӱklä- „вьючить“; в том же диалекте в именной форме Gen. sg. с узким гласным в окончании как непалятальным, так и палятальным, наблюдается „факультативность“ [2]) лябиализации, напр. qушнуӊ ‖ qушныӊ „птицы“, кӱннӱӊ ‖ кӱннi̥ӊ „дня“, а в глагольном основообразовательном суффиксе стр. зал. при тех же условиях находим лишь лябиализованность, напр. бузул- „быть сломану“, ӱзӱl- „быть прервану“. Подобные противоречия можно встретить и в других диалектах; напр. в китайско-тюркских диалектах падежные формы с узким гласным в окончании не проявляют лябиализацию (при возможном участии графической аналогии), тогда как глагольные формы представляют лябиализацию.

Примечание. Примеры я выбирал чаще всего из следующих морфологических категорий, не игнорируя конечно и другие категории,—

А) для суффиксов с широким гласным (*а ä*):

1) из склонения: окончания Местного, Исходного и Дат. падежей, а также признак множ. числа *лар/läр*;

2) из спряжения: суффикс прич. прош. вр. -*Ӈан*/-*гäн*, суф. услов. накл. -*са* /-*сä*;

Б) для суффиксов с узким гласным (*ы/i*):

1) из склонения: окончания Род. и Вин. падежей;

---

[1]) Так как при сингармонизме суффиксальный вокализм, как обусловливаемый, в своих вариациях находится в определенной зависимости от корневого, то он является в известной мере *показателем* вокального состава корня, что между прочим способствует восстановлению не вполне расслышанных слов при восприятии чужой речи; вследствие же диалектических различий в губном сингармонизме, при которых суфиксальный вокализм не одинаково ассимилируется к корню по диалектам, то он в разных диалектах не одинаково свидетельствует о характере корневого вокализма в соответствующих словах.

[2]) Под *факультативностью* мы будем понимать случаи возможности того и другого образования, т. е. как с лябиализацией, так и без нее; дальнейшие исследования должны выяснить, поскольку такие различия сводятся к мелким различиям говоров и поскольку возможны в говоре одного и того же лица.

2) из спряжения: суф. дееприч. *-ып /-ip*, а также основообразовательные суффиксы *-ыл-/-il-* (стр. зал.), *-ын-/-in-* (возвр.), *-ыш-/-iш-* (взаим.).

При этом я принимал в соображение то, что некоторые суффиксы допускают диалектически неодинаковый гласный, напр. *ы* и *у* (суф. обладания *-лы* и *-лу*, 3 ед. повел. *-сын* и *-сун*, суффикс глаголов заставительных *-тыр* и *-тур* и т. п.), так что в этих случаях губной гласный суффикса при губном гласном корня может не отражать явление губного сингармонизма в соответствующем диалекте. Срв. в уйгурском 3 ед. повел. *болсун* „пусть будет", но и *кёлсўн* „пусть придет", или *jараштур-* „помирить" (от *jараш-* „мириться"); в кара-кирг. *мурунду* „имеющий нос", но и *балалу* „имеющий ребенка", *баштү* „имеющий голову"; как видим, основной суффиксальный гласный *у*, *ў* мирится с присутствием в корне широкого нелябиализованного гласного (*а/ä*). В части случаев возможно предполагать смешение двух самостоятельных суффиксов в одном. Фактический материал я заимствую главным образом из известного труда проф. Н. Ф. *Катанова* „Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня", Казань 1903 г. В этом труде автор проявил замечательное уважение к фактам, избегая ради полноты примеров образовывать самому необходимые формы, хотя-бы и вполне законные, ограничиваясь исключительно теми, какие у него были в наличности; так как в то же время он как-бы избегает добывать обобщения из своего материала, то в этом смысле настоящая статья может рассматриваться как восполнение указанного труда проф. Катанова.[1])

Приняв во внимание указанные моменты, мы в своем рассмотрении губного сингармонизма в тюркских диалектах будем пользоваться, в видах большей наглядности, небольшими табличками в восемь клеток: четыре горизонтальные соответствуют четырем губным гласным в корневых слогах, т. е. *О*, *Ö* (широкие) и *У*, *Ў* (узкие);[2]) эти клетки вертикальной чертой мы делим на две половины соответственно двум основным типам вокализма суффиксального—*а/ä* (с широким гласным) и *ы/i* (с узким гласным).[3])

	а/ä	ы/i
О	1	5
Ö	2	6
У	3	7
Ў	4	8

Следовательно, напр. клетка № 2 будет соответствовать тому случаю, когда в корне имеется гласный *Ö* и суффикс содержит широкий гласный, клетка № 6 представляет случай, когда в корне содержится гласный *Ö*, а в присоединяющемся суффиксе узкий гласный. При этом если губной сингармонизм проведен, то в клетке

---

[1]) Приводя те или другие формы, я не указываю на страницы труда проф. Катанова, так как их легко найти в отделе соответствующей формы, тем более что диалекты у него всюду расположены в алфавитном порядке.

[2]) Из этих гласных *О*—непалятальный, *Ö*—палятальный, *У*—непалятальный, *Ў*—палятальный.

[3]) Соответственно этим двум основным типам суффиксального вокализма мы будем распределять примеры, приводимые для диалектов: А) суффикс имеет широкий гласный и Б) суффикс имеет узкий гласный; и тут, и там мы будем брать образования от корней, содержащих гласные *О*, *Ö*, *У* и *Ў*.

стоит знак +, если же не проведен, то клетка оставляется пустою; так как в некоторых случаях может встретиться колебание, т. е. на ряду с сингармонизмом есть и образования без него, т. е. „факультативный“ сингармонизм, то в клетке ставится знак чередования.

Свой обзор мы начнем с диалектов, где губной сингармонизм проведен наиболее полным образом, с каракиргизского и алтайского, последовательно переходя к диалектам, совершенно неимеющим его, при чем свое рассмотрение ограничим ближайшим к корню суффиксальным слогом.

I. Диалекты **каракиргизский** и **алтайский**. Характер губного сингармонизма в этих диалектах виден из следующих табличек, вслед за которыми приводятся иллюстрирующие примеры.

	а/ä	ы/і
О	+	+
Ö	+	+
У	‖	+
Ÿ	+	+

кара-кирг.

	а/ä	ы/і
О	+	+
Ö	+	+
У		+
Ÿ	+	+

алтайский.

Примеры для *карагиргизского*: А) отqо „огню“, болҕон „бывший“; тӧрдӧ „в переднем углу“, ӧlгӧн „умерший“; qушqа ‖ qушqо „птице“, улуqтан ‖ улуqтон „от вельможи“;[1]) тӱндӧ „ночью“, jӱргӧн „ходивший“; Б) чоронун „слуги“, сунун „воды́“, кӧктӱн „неба“, ӱйдӱн „дòма“.

Примеры для *алтайского*: А) qолдоӊ „от руки“, ползо „если будет“; кӧстӧр „глаза́“, ӧтсӧ „если проникнет“; qумаq „песок“, учар—прич. буд. от уч-„летать“; кӱндӧ „в дне“; Б) тонду „шубу“, кӧlдӱ „озеро“ (Вин.), тудун- „держаться“ (возвр. от тут-), кӱндӱ „день“ (Вин.)

И так, губной сингармонизм в алтайском можно признать одинаковым с каракиргизским с тою оговоркою, что в каракиргизском после корневого *У* ограничение для суффиксов с широким гласным неполное—лябиализация факультативна, между тем как в алтайском она отсутствует; в остальных семи положениях гласные суффиксов

---

[1]) Итак, при корневом *У* лябиализация суффиксов с широким гласным является „факультативною“; но это колебание наблюдается в *падежных* окончаниях, а в *глагольном образовании* -прич. буд. времени и в *суф. мн. ч. имен* при тех же условиях видим простое отсутствие лябиализации, срв. уҕар—от уq-„понимать“, qулдар „рабы“.

и тут, и там лабиализуются. Губной сингармонизм в этих диалектах наиболее полно выражен среди всех тюркских диалектов. [1])

С одинаковостью губного сингармонизма в каракиргизском и алтайском соединяется ряд других сходств, напр.: 1) сохранение начального *j- (срв. jол „дорога“); 2) изменение конечного *-з в -с (қыс „девица“); 3) *н* и *л*, начинающие суффиксы, после звонких согласных сменяются на *д*, а после глухих на *т* (қулду „раба“ Вин., отту „огонь“, қулдар „рабы“ множ. ч., оттор „огни“); 4) подобным образом личное окончание 1 ед. и мн. является в разновидностях с начальными *м*, *б*, *п* в зависимости от свойства предшествующего звука; 5) согласный *ч* начальный и конечный сохраняется; и т. д. В виду приведенных и других сходств при одинаковости законов губного сингармонизма будет правдоподобным допустить, что некогда каракиргизский диалект находился в смежности и единении с алтайским и лишь впоследствии занял настоящее свое местоположение. Этот вывод, полученный чисто лингвистическим путем, находит себе и историческое подтверждение в сказаниях китайцев, гласящее между прочим, что каракиргизы к концу VI в. составляли обширное сильное государство, вобравшее в себя племена, обитавшие на юге Енисейской губ., на востоке доходившее до Байкала, на юг—до Вост. Туркестана и может быть еще далее. В позднейшее время (в конце XVII в.) северные или енисейские киргизы, жившие по Енисею, обоим Юсам, у Абакана и в окрестностях Саянских гор, удалились за горы. [2])

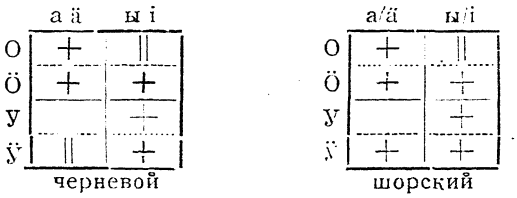
Примечание. Губной сингармонизм в большой полноте проявляется также в **якутском** языке, представляющем однако ряд существенных отличий от других тюркских языков.

II. Диалекты **черневой** и **шорский** по губному сингармонизму почти совпадают с алтайским: здесь ограничение лабиализации сводится лишь к тому, что после корневого *О* лабиализация узкого суффиксального гласного может быть и не быть, т. е. факультативна (в черневом факультативность иногда касается также широкого суффиксального гласного после корневого *Ӱ*):

---

[1]) В цитированном выше труде проф. Катанова с алтайским объединяется диалект *телеутский*; однако в отношении губного сингармонизма акад. Радлов (Phonetik § 10) отмечает разницу между этими диалектами, состоящую в том, что в телеутском, в отличие от алтайского, не только корневое *У*, но и корневое *Ӱ* не оказывает лабиализующего влияния на широкий гласный в суффиксе, напр. алт. кӱндӧ „в дне“, телеут. кӱндӓ.

[2]) См. статью „Киргизы“ проф. А. Позднеева в Энцикл. Словаре Брокгауза-Ефрона в 29-ом полутоме; срв. также существование предания о каракиргизах (казак-киргизах?) на р. Чулыме, сообщенного С. Е. Маловым в его „Отчете о командировке (в 1908 г.) студента Восточного факультета С. Е. Малова“, стр. 5—6.



Примеры для *черневого*: А) оттоӈ „от огня“, ползо „если будет“; [1]) кӧlгӧ „озеру“, ӧlзӧ „если умрет“; орунӈа „месту“; тӱшкӓн || тӱшкӧн „спустившийся“, ӧскӧн „росший“; Б) отты || отту „огонь“ Вин., тозыл- || тозул- „быть изношену“; кӧlнӱӈ „озера“, кӧрӱп „увидев“; тудуп „поймав“; кӱннӱ „день“ Вин.

Примеры для *шорского*: А) ɋолдоӈ „от руки“, ползо „если будет“; [1]) сӧстӧӈ „от слова“, кӧрзӧ „если увидит“; уӈар—прич. от уɋ- „понять“; кӱӈӱктӧ „у храбреца“, кӱштӧ- „насиловать“; Б) чонныӈ || чоннуӈ „народа“, кӧктӱӈ „неба“, ɋуштуӈ „птицы“, мӱнӱп „севши верхом“.

Таким образом все различие данного типа по сравнению с первым сводится к факультативности влияния корневого *широкого* непалятального *О* на контрастирующий по открытости суффиксальный, а в черневом еще корневого *узкого* палятального *Ӱ* (случай непалятального узкого уже имеется в I-ом типе) на контрастирующий по открытости *широкий* суффиксальный.

Подводя под один тип губного сингармонизма диалекты черневой и шорский, необходимо отметить ту фонетическую разницу между ними, что в то время как черневой, подобно смежному алтайско-телеутскому, сохранил начальное *j-, шорский диалект соседящий с абаканским, подобно последнему и может быть под его влиянием сменил *j- на *ч-*.

III. Диалекты **казак-киргизский и чулымский** (кюэрикский) проявляют сравнительно с каракиргизским и алтайским огубнение суффиксальных гласных с бо̀льшим ограничением, состоящим в том, что вообще корневые твердые или непалятальные губные гласные (т. е. не только *У*, но и *О*) не вызывают огубнения широкого гласного в суффиксе; огубнение суффиксального широкого гласного происходит лишь *при одновременной палятальности губного корневого гласного*, т. е. только в том случае, если в корне содержится

[1]) Данные проф. Катанова противоречат замечанию акад. Радлова (Phonetik § 11), что в черневом и шорском будто-бы после корневого *О* в суффиксе широким гласным служит *а*, в отличие от алтайско-телеутского, напр. алт.-тел. ɋолдоӈ „из руки“ = шор. ɋолдаӈ. Так действительно бывает у кондомских шорцев, напр. алт. омоɋ „бодрый“ = конд. омаɋ (см. Словарь при Грам. алт. яз. Казань 1869). Вероятно дело сводится к некоторой неоднородности этих диалектов, к существованию в них более мелких диалектических различий.

Ö или *Ӱ*. Что же касается случаев, где суффикс содержит узкий гласный (т. е. в независимом положении *ы/i*), то огубнение и в этих диалектах вызывают одинаково все губные корневые гласные—твердые *О*, *У* и мягкие *Ö*, *Ӱ*. Прилагаемая табличка иллюстрирует сказанное.

	а/ä	ы/i
О		+
Ö	+	+
У		+
Ӱ	+	+

каз. кирг. чул.

Примеры для *кирг.*: А) сомдан „от рубля“, көldө „в озере“ қулда „у раба“, ӱйдө „дома“; Б) қойду „овцу“, көldӱ „озеро“ Вин., қулду „раба“, ӱйдӱ „дом“. [1])

Такой же точно тип губного сингармонизма имеет в Сибири диалект **чулымский** (в его кюэрикском отделе), срв.: А) полӈан „бывший“, көргөн „видевший“, пулар „эти“, көрӱшсө „если увидится“; Б) қоруқгум „я боялся“, көгнӱ „мелодию“, қушгуӈ „птицы“, тӱlгӱнӱӈ „лисы“.

IV. Диалекты **кызыльский** и **барабинский**. Здесь, подобно казак-киргизскому (и чулымскому), лябиализуется широкий гласный суффикса лишь после корневых палятальных гласных *Ö* и *Ӱ*, тогда как соответствующие гласные непалятальные *О* и *У* не оказывают лябиализующего влияния; сверх этого в поименованных диалектах, в отличие от казак-киргизского, широкий корневой *О* не оказывает влияния еще и на контрастирующий с ним по открытости узкий суффиксальный.

	а/ä	ы/i
О		
Ö	+	+
У		+
Ӱ	+	+

кызыл. бараб.

Примеры для *кызыльского*: А) полза „если будет“, ölsö „если умрет“, қусқа „птице“, кӱнгө „солнцу“, мӱнгөн „севший верхом“; Б) толдыр- „наполнить“, тойны или тойды „пир“ Вин., төldӱӈ „потомства“, қустуӈ „птицы“, кӱннӱӈ „дня“. [2])

Примеры для *барабинского:* А) полӈан „бывший“, көргөн „видевший“, көlгө „озеру“, ӈjурттан „из жилища“, кӱскө „осени“, ӱйдөн „из дому“; Б) тоӈыр- „заморозить“ (заставит.), сөстөн „из слова“ көрдӱм „я видел“, қулнуӈ „раба“, кӱннӱ „день“, кӱlӱм „смех“.

V. Диалекты **абаканские**. В них сфера проявления губного сингармонизма сравнительно с предшествующими диалектами наиболее ограничена: широкий суффиксальный гласный остается без лябиализации, какой-бы губной гласный ни был в корне, а *узкий*

	а/ä	ы/i
О		
Ö		
У		+
Ӱ		+

абакан.

[1]) Близко к казак-киргизскому подходит губной сингармонизм в **ногайском**, в котором однако лябиализующее влияние корневых *Ö* и *Ӱ* на широкий суффиксальный гласный имеет характер факультативности.

[2]) К кызыльскому близок по сингармонизму **камасинский**, подобно ему еще и сохраняющий *j-; возможно, что он ранее находился в большем соседстве с кызыльским и ближе к алтайскому и лишь позже был разобщен вклинившейся абаканской группой, в которой начальное *j- отражается в виде *и-*.

суффиксальный гласный не лябиализуется после *широких* корневых, лябиализуется лишь после *узких*, вследствие чего в этих диалектах имеется лишь „совершенная“ губная гармония в сфере узких гласных, т. е. *У—у*, *Ӱ—ӱ*.

Примеры для *качинского* и *койбальского*: А) полза „если будет“, чӧргӓн „ходивший“, qузуqта „в орехе“, кӱнгӓ „дню“; Б) оqтыӊ „стрелы“, чӧрi̥п „ходив“, ӧгтi̥р- „провести насквозь“, ӧдi̥р- „убить“, пӧгӱп „согнув“ [1]), qуштуӊ „птицы“ Род., кӱннӱ „день“ Вин.

Примеры для *сагайского* и *бельтирского:* А) чоннаӊ „от народа“, кӧптӓӊ „от многих“, qумнаӊ „от песку“, тӱктӓ „в шерсти“; Б) qондыр- „пустить ночевать“, кӧlдi̥ӊ „озера“; qустуӊ „птицы“, кӱlдӱӊ „пепла, золы“.

VI. Западно-сибирские диалекты: тарский, ишимский, тобольский, туринский, тюменский. Эти диалекты составляют переход к поволжско-приуральской диалектической области. В них старый тюркский вокализм уже начал видоизменяться в направлении сходном с этою последнею, при чем представляет более раннюю фазу. Так, здесь пратюркское корневое *ӧ сузилось в ӱ̄ (долгое ӱ̈), а пратюркское *ӱ̈ отражается в виде простого ӱ̈ (недолгое ӱ̈). Таким образом рефлексы пратюркских *ӧ и *ӱ̈ в западно-сибирских диалектах и казанско-татарском (также башкирском) представляют взаимное соответствие:

пратюрк. *ӧ=алт. ӧ≠зап. сибир. ӱ̄≠каз.-тат. ӱ (средней длительности)

*ӱ=алт. ӱ≠зап.-сибир. ӱ≠каз.-тат. ӧ̈ (краткое).

Для иллюстрации соответствия между зап.-сибирскими диалектами и казанско-татарским по отношению к фонемам *ӧ и *ӱ воспользуюсь примерами из тюменского:

*ӧ : тюмен. кӱ̄к „синий“≠казан.-тат. кӱк

кӱ̄с „глаз“ ≠кӱз

*ӱ : тюмен. кӱн „день“ ≠казан.-тат. кӧ̈н

кӱl „зола“ ≠кӧ̈l

В зап.-сибирских диалектах наблюдается также кажущееся спорадическое смешение пратюркских корневых *о и *у, *ӓ и *i, но мы не нашли данных для установления в них параллелизма к ӱ̄ и ӱ.

И в отношении губного сингармонизма намечается родство зап.-сибирских диалектов с поволжско-приуральским отделом: зап.-сибирские у и ӱ̄ (из *о и *ӧ, но в ряде случаев сохранилось и старое *о*), подобно казанско-татарскому, чаще не оказывают лябиализующего влияния на суффиксальные гласные; у и ӱ (из *у и *ӱ), которым в казан.-татарском соответствуют ө и ӧ̈, способны оказывать

[1]) Пример—пӧгӱп „согнув“ мог быть обязан случайной аналогии к словам с корневым Ӱ.

лабиализующее влияние, при чем случаи факультативной лабиализации, нередко обязанные аналогии, сильно затрудняют более точное установление законов сингармонизма. Приведу примеры губного сингармонизма по диалектам.

Примеры для *тарского*: А) после корневого н о в о г о *У* и *Ӱ* (из *о и *ӧ): уттан „от огня“; кӱрсӓт- „показать“, но кӱрсӓ ‖ кӱрсӧ „если увидит“; после корневого с т а р о г о *У* и *Ӱ* (из у и *ӱ): турӌан „стоявший“, кӱннӓн ‖ кӱннӧн „от дня“; Б) после корневого н о в о г о *У* и *Ӱ*: суқтыр- „велеть бить“, но утныӈ ‖ утнуӈ „огня“; кӱрӌш-„видеться“; после корневого с т а р о г о *У* и *Ӱ*: тутуп „схватив“, ӱсӱl-„быть прервану“, тӱшӱп „спустившись“, јӱрдӱм „я ходил“, тӱшнӱӈ „сна“, но и ӱйніӈ „дома“.

Примеры для *ишимского*: А) после корневого *О*: [1]) тонлар „шубы“, болӌач—дееприч. от бол-„быть“; после корневого н о в о г о *Ӯ*: сӯстӓ „в речи“, кӯрсӓт- „показать“; после с т а р о г о *У* и *Ӱ*: қулунда „у жеребенка“, тӱшкӓн „спустившийся“; Б) после корневого *О*: [1]) соӌыш- „драться“ и как существ. „сражение“, болыӈ „будьте“, қойыӈ „кладите“; после корневого н о в о г о *Ӯ*: кӯснің „глаза“, ӱltір-„убить“, кӯргіс- ‖ кӯргӱс-„показать“; после с т а р о г о корневого *У* и *Ӱ*: учур-„велеть лететь“, тутуп „поймав“, уруш-„драться“, но булутныӈ „облака“, қулны „раба“ Вин. [2])

Примеры для *тобольского*: А) после корневого *О*: тойдан „с пира“, қошса „если прибавит“, ойна- „играть“, боқла- „собирать кал“; после корневого н о в о г о *Ӯ* (из *ӧ): кӯгӓр- „синеть“; после корневого с т а р о г о *У*, *Ӱ*: турӌан „стоявший“, кӱскӱдӓ „в зеркале“; Б) после корневого н о в о г о *У*, *Ӯ*: уқныӈ „стрелы“, суӌыш- „драться“, болыр—прич. буд. от бол- „быть“; [3]) кӯсі „его глаз“, ӯскір- „ростить“, но и тӱгӱl- (корневое ӱ без долготы) „быть пролиту, проливаться“; после с т а р о г о *У*, *Ӱ*: унны ‖ унну „муку“, тутып ‖ тутуп „поймав“; тӱннӱ „ночь“ Вин., кӱцӱ „его сила“, тӱшӱр- „спустить“. [4])

Примеры для *туринского*: А) после корневого н о в о г о *Ӯ*: кӱрсӓт- „показать“; после корневого старого *У*, *Ӱ*: булутқа „облаку“;

[1]) Старое *О* не изменилось в *У*.

[2]) Разница между глагольными образованиями и падежными именными; подобные разницы встречаются и в других диалектах.

[3]) Первоначальное *о частью сохраняется, частью перешло в *у* (быть может, мелкие диалектические вариации), палятальное же *ӧ всегда отражается в виде *ӯ*; суффиксальные *а|ӓ* не лабиализуются, поскольку видно из транскрипции.

[4]) Корневое *ӯ*, в отличии от *ӱ*, не влияет на суффиксальное *і*, срв. кӯсі „его глаз“ ‖ кӱцӱ „его сила“; эта разница проявляется даже при ошибочной замене *ӱ* через *ӯ*, срв. тӱшӱп ‖ тӱшіп „спустившись“.

ӱйдӧ „в доме“, сӱттӧ „в молоке“, но јӱкlä- „вьючить“; Б) соqтур- „велеть ковать“, болуп „бывши“, [1]) после н о в о г о $\overline{\ddot{У}}$: кӱрі̥н- „показаться“, ӱсті̥р- „ростить“, ӱlті̥р- „умертвить“, но сӱсні̥ || сӱснӱ „слово“, Вин.; после корневого с т а р о г о *У*, *Ӱ*: бузул- „быть сломану“, тутуш- „драться, схватиться“, тутуп „схватив“, но qушныӈ || qушнуӈ „птицы“, qушны || душну „птицу“; ӱзӱl- „быть прервану“, тӱшӱр- „спустить“, јӱгӱрӱп „побежав“, но кӱннӱӈ || кӱннi̥ӈ „дня“.

Примеры для *тюменского*: А) после корневых н о в ы х *У* и $\overline{\ddot{У}}$: qунаq „гость“, уйнаш „блудница“; кӱсläр „глаза̀“, ӱскäн „росший“. после корневых с т а р ы х *У* и *Ӱ*: јуqуҕа „сну“, кӱнläр „дни“; Б) после корневого *О*: qошыл- „быть соединену“, соҕыш- „драться“; [2]) после корневого н о в о г о $\overline{\ddot{У}}$: кӱрі̥н- „показаться“, кӱрі̥ш- „видеться“ и как сущ. „свидание“; после с т а р о г о *У* и *Ӱ*: qумну „песок“ Вин., qуйҕус- „велеть лить“, јулуп „вырвав“, тутуп || тутып „схватив“; кӱlнӱ „золу“, тӱшӱр- „спустить.

В общем в данной диалектической группе (по губному сингармонизму), широкие суффиксальные гласные совсем не лябиализуются, лябиализация же узких суффиксальных гласных большею частью ограничена положением после корневых старых узких гласных (срв. в особенности диалекты тобольский и тюменский); таким образом тип лябиализации в западно-сибирской диалектической области, несколько идеализируя и нивеллируя его, можно представить прилагаемой общей схемой. Эта схема оказывается сходною с абаканским типом лябмализации, что можно было-бы поставить в связь с тем, что абаканское население частью произошло из западной Сибири—из бежавших остатков подданных Кучума. [3])

у (О) из *о		
$\overline{\ddot{у}}$ из *ӧ		
у старое		+
ӱ старое		+

VII. Поволжско-приуральская область, куда входят диалекты **татарский с мещеряцким** и **башкирский**. Тип губного сингармонизма может быть представлен прилагаемою схемой, что же касается примеров, то ограничусь казанско-татарским диалектом в виду однородности типа сингармонизма: А) qулҕа „руке“, qушqан „присоединивший“; кӱзгä „глазу“, кӱргäн „видевший“;

у из *о		
ӱ из *ӧ		
θ из *у	+	+
θ̈ из *ӱ	+	+

[1]) Сохранение старого *о.

[2]) Древнее корневое *о частью сохраняется, частью рефлектируется в виде *у*.

[3]) Срв. Radloff Phonetik, стр. XXIII—XXIV.

тӧзӈа „соли“, тӧрӈан „стоявший“; кӧзгӓ „осени“, тӧшкӓн „спустившийся; Б) қулны „руку“, қушып „присоединивши“; кӱзнӌ „глаз“ Вин, кӱрӌп „видев“; тӧзнӧ „соль“ Вин., тӧрӧп „став“; кӧзнӧ „осень“, тӧшӧп „спустившись“.

Влияние корневых *ө* и *ӧ* на следующий широкий суффиксальный гласный менее заметно, чем на следующий узкий гласный; это последнее влияние и является наиболее характерным, так что в этом отношении рассматриваемая диалектическая область может быть сближена с западно-сибирскою и абаканскою, особенно если и в последних микрофонологическое исследование обнаружит намек на лабиальный оттенок в широком суффиксальном гласном после корневых У и Ӱ.

	а/ӓ	ы/і
О		+
Ӧ		+
У		+
Ӱ		+

VIII. Диалекты **карагасский** и **урянхайский**. Губной сингармонизм этих диалектов характеризуется тем, что широкий суффиксальный гласный не лабиализуется вовсе, а узкий лабиализуется при всяком корневом губном гласном, как это иллюстрирует схема губного сингармонизма и доказывают нижеследующие примеры.

Примеры для *карагасского*: А) тойда „на пиру“, полза „если будет“; хӧlдӓн „от озера“, ӧlгӓн „умерший“; сугда „в воде“, турар прич. буд. от тур-„стоять“; тӱштӓ „во сне“, тӱшсӓ „если спустится“; Б) қолнуӈ „руки“, полур—прич. от пол- „быть“; ӧгнӱӈ „дома“, ӧlӱр- „убить“; сугнуӈ „волы“, мундур- „посадить верхом“; ӱстӱ „рысь“ Вин., ӱндӱр- „велеть войти“.

Примеры для *урянхайского*: А) чонда „у народа“, полӡан „бывший“; ӧгдӓ „дӧма, в юрте“, кӧмгӓн „похоронивший“; қушта „в птице“, утқан „забывший“; тӱндӓ „ночью“, ӱӈгӓн „взошедший“; Б) тоннуӈ „шубы“ Родит., қондур- „велеть ночевать“; ӧйнӱӈ „обычая“, ӧlӱр- „умертвить“; қурнуӈ „кушака“, уттур- „заставить забыть“, кӱннӱӈ „солнца, дня“, ӱстӱр- „велеть порвать“.

IX. Только-что рассмотренный тип губного сингармонизма имеет широкое распространение вне Сибири, образуя как бы периферическую юго-восточную и южную диалектическую кайму; сюда относятся диалекты: **китайско-тюркские** и **таранчинский, сарто-узбекский** и **южные** [1]). Мы начнем с последних, взяв примеры из турецкого:

А) топтан „от пушки“, олан „бывший“; ґӧздӓн „от глаза“, ґӧрсӓ „если увидит“; курттан „от волка“, булса „если будет“; ґӱмӱштӓн „от серебра“, jӱзӱкläр „перстни“; Б) топуқ „пушки“ Род.,

[1]) **Чувашский** язык, по некоторым морфологическим чертам об'единяющийся с южным отделом тюркских языков, проявляет только палятальный сингармонизм.

олур—прич. от ол- „быть“; ѓӧзӱӊ „глàза“, ӧlӱр—прич. от ӧl-„умирать“; куртуӊ „волка“, дурур—прич. от дур- „стоять“; ѓӱмӱшӱӊ, „серебра“, jӱрӱдӱм „я шел“.

X. Мы выделяем в особую группу диалекты **китайско-тюркские** с **таранчинским** и **сарто-узбекский** в виду того, что в них на ряду с лябиализацией узкого суффиксального гласного в глагольных формах, в падежных формах при тех же условиях лябиализация отсутствует (ограничиваюсь примерами узкого суффиксального гласного):

Примеры для *китайско-тюркских* говоров: qошул- „быть присоединену“, кӧрӱн-„показаться“, тутул-„быть пойману“, ӱзӱl-„быть прервану“; рядом с этим окончания Родит.-ніӊ и Вин. -ні применяются для всех случаев, что можно объяснить влиянием орфографии при участии аналогии.

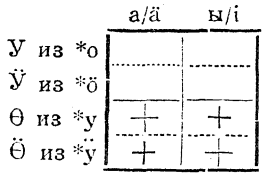
Примеры для *таранчинского*: болуш-„быть с другими“, тӧкӱl-„быть пролиту“, ӧlӱм „смерть“, тутул-„быть задержану“; в именах падежные окончания -ніӊ и -ні после любых корневых гласных.

Примеры для *сарто-узбекского*: qошул- „быть присоединену“, соqуш-„драться“, сӧкӱl-„распарываться“, кӧрӱш-„видеться“, тутун- „держаться“, ӱзӱl- „быть прервану“; падежные окончания -ніӊ -ні не подчиняются лябиализации. *Южные* (иранизованные) говоры, напр. *ташкентский*, совсем утратили сингармонизм.

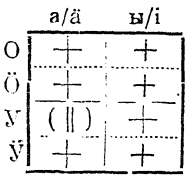
Примечание. Данная диалектическая группа по сравнению с другими представляет ту особенность, что в ней *ы* и *і* кажутся совпавшими в одном *і*, при чем однако сохраняется различие между *q* и *k*, Ӈ и *г*, *л* и *l*, что̀ по-видимому говорит против полного отожествления гласного *і* двоякого происхождения. Сближение *ы* и *і* можно сравнить с аналогичным процессом в славянских языках; но здесь нужно еще принять во внимание возможное влияние со стороны монгольского языка.

XI. **Древние письменные памятники**, подобно типам VIII—X, обнаруживают губной сингармонизм тоже лишь в отношении узкого суффикального гласного, иногда с некоторыми случаями факультативности; но остается невыясненным, существовало-ли в тех или других из них хотя бы легкое различие нюанса в суффиксальных *а/ӓ* после корневых губных и негубных.

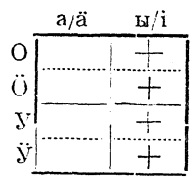
Бросая взгляд на все вышеизложенное, находим, что губной сингармонизм в тюркских языках проявляется далеко не одинаково: начиная от почти полного его проявления в каракиргизском и алтайском, мы доходим до двух вариаций малого его проявления—в поволжско-приуральской области и в окраинной восточной и южной полосе:



поволж. - приур.



алт., карак.



вост. и южн. окраинные.

Одна из вариаций малого проявления губного сингармонизма—поволжско-приуральская состоит во влиянии лишь потомков старых узких корневых губных гласных на широкий и узкий гласный в суффиксе (нижняя половина таблички), а другая вариация состоит в лябиализации лишь узких суффиксальных гласных, но зато после каждого из четырех губных гласных корня (правая половина таблички).[1] В той и другой разновидности половина случаев „совершенного" сингармонизма, т е. из тожественных (условно) гласных и половина — „несовершенного" или из гласных нетожественных; в первой разновидности совершенный сингармонизм представляется в виде *Ѳ—ѳ, Ӧ—ӧ*, а во второй разновидности в виде *У—у, Ӱ—ӱ*, т. е. одинаково в области узких гласных; несовершенный сингармонизм в первой разновидности состоит в лябиализующем влиянии потомков старых узких корневых гласных на широкий суффиксальный, т. е. Ѳ—а̊, Ӧ—ӓ̊, а во второй разновидности, напротив, во влиянии широких корневых гласных на узкий суффиксальный: О—у, Ӧ—ӱ, следов. в обоих случаях на почве контраста по степени открытости. Обе разновидности как-бы совмещены в диалектах с наиболее полным губным сингармонизмом, т. е. в каракиргизском и алтайском, где сверх того существует и совершенный сингармонизм в области широких гласных в виде О—о, Ӧ—ӧ. Однако в этих диалектах полнота губного сингармонизма нарушена одним исключением: после корневого *У* широкий суффиксальный гласный в алтайском не лябиализуется вовсе, а в каракиргизском лябиализуется факультативно, а между тем в поволжско-приуральских диалектах продолжатель этого гласного, т. е. корневой гласный *Ѳ*, оказывает лябиализующее влияние и на

[1] Попутно отметим, что тюркские диалекты не представляют противоположных случаев сингармонизма: не встречается, чтобы лябиализующее влияние оказывали одни широкие корневые гласные (одна верхняя половина таблички, равно как не встречается и того, чтобы лябиализации подвергались одни широкие суффиксальные гласные (левая половина таблички). Это обстоятельство не лишено значения при выяснении хода эволюции губного сингармонизма: оно может показывать, что широкие корневые гласные ранее теряют лябиализующую силу и что лябиализация широких ~~корневых~~ суффиксальных гласных ранее утрачивается (в предположении, что процесс губного сингармонизма идет на убыль); мы видим также, что в создании первой разновидности главным фактором является корневой вокализм, а второй разновидности—суффиксальный.

широкий суффиксальный гласный, хотя может быть вторично под давлением преобразованной системы.

Что касается промежуточных звеньев между указанными крайними стадиями, то они сводятся, как мы видели, к трем типам с постепенно уменьшающимся губным сингармонизмом: а) диалекты *черневой* и *шорский*, почти совпадающие по губному сингармонизму с каракиргизским и алтайским; б) *казак-киргизский* и *чулымский*, в которых на широкий суффиксальный гласный не влияют оба непалятальные губные гласные, т. е. *О* и *У*, а влияют только корневые палятальные *Ӧ* и *Ӱ*; [1]) в) *кызыльский* и *барабинский*, в которых корневое *О* не затрогивает еще и узкого суффиксального гласного. Губной сингармонизм *абаканского* типа является уменьшенным по сравнению как с западно-сибирскими и поволжско-приуральскими диалектами, так и с карагасско-урянхайским. Вопрос о том, к которому из этих двух типов абаканский стоит в ближайшем сродстве, требует дополнительных более тонких микрофонологических наблюдений над ними. Приведенные раньше кое-какие исторические указания в пользу сближения абаканского с западно-сибирскими не исчерпывают вопроса.

Мы проследили разнообразные проявления губного сингармонизма в области тюркских языков и естественно под конец возникает вопрос, считать-ли губной сингармонизм, согласно с акад. Радловым, столь же изначальным, как и палятальный, или же вместе с Бетлингом видеть в губном сингармонизме позднейший слой. Как бы ни думать по данному вопросу, нельзя не указать на то воззрение акад. Радлова, что губной сингармонизм в тюркских языках идет на убыль. Подтверждение этого воззрения можно видеть в том обстоятельстве, что древняя скàла корневого вокализма, обусловливающего сингармонизм, в ряде тюркских языков уже так или иначе видоизменилась или находится в процессе видоизменения, и в то же время в этих диалектах наблюдается уменьшенность в губном сингармонизме. Впрочем вопрос этот пока не может считаться решенным.

Сингармонизм, как и развитие придаточных морфем исключительно в виде суффиксов при отсутствии префиксов, является особенностью не одних тюркских языков, но всех урало-алтайских, и для суждения о первых стадиях в развитии такого морфологиче-

[1]) Быть может бо̀льшая лябиализующая сила корневых *Ӧ* и *Ӱ* должна быть поставлена в связь с комбинаторным характером их артикуляции, одновременно губной и палятальной, т. е. при наличии стойкого палятального сингармонизма получает бо̀льшую устойчивость и силу и привходящий губной сингармонизм.

ского строя необходимы детальные диалектологические исследования по всем языкам этого обширного семейства; за недостаточностью таковых акад. Радлов должен был ограничиться лишь самым общим очерком сингармонизма в уральских языках. Самый сингармонизм, как и суффиксальный тип морфологического строя, мог зародиться в обеих половинах данного семейства или благодаря исконному соседству и общению, или, если будет доказано их исконное родство,— ранее распадения на отделы уральский и алтайский.

Проф. **В. Богородицкий.**

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

